

малаго, возрастъ котораго было невозможно опредѣлить. Богъ вѣсть когда чесанные и стриженные волосы, обратившіеся чуть не въ войлокъ, образовали цѣлую природную шапку, очень схожую съ кавказской папай. Короткая, густая борода скрывала нижнюю часть лица; носъ и щеки были сильно обвѣтрены и обожжены солнцемъ, и лишь одни выразительные глаза лихорадочно сверкали изъ подъ прямыхъ, красиво очерченныхъ бровей. Близъ костра лежали и сидѣли четыре подобія людей, съ такими же некрасивыми, обожженными и обвѣтреными, почти черными лицами, едва одѣтые въ разнородныя, грязныя, отрепанныя лохмотья. Только на одномъ была почти цѣльная рубаша изъ синей дабы ¹⁾, цвѣтъ которой можно было лишь угадывать по случайно не замазаннымъ мѣстечкамъ. Всѣ пятеро были до того худы и видимо истощены, что казались выброшенными изъ больницы въ лѣсъ, за безнадежностью.

Охотникъ разсматривалъ ихъ изъ-за своего дерева съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ. Ему случалось не разъ видѣть вблизи самую отчаянную нищету, но ничего подобнаго онъ еще не видывалъ.

Это были не нищіе оборванцы большихъ городовъ, у которыхъ все-таки какіе ни на есть лохмотья прикрываютъ голое тѣло, это была какая-то первобытная, голодная и холодная, безнадѣжная, звѣриная нищета. Всѣ пятеро видимо выбились изъ силъ и дошли до той степени страданій, когда въ отуманенной головѣ, впервые зарождается страшная мысль о возможности съѣсть себя подобнаго.

Охотникъ, уже встрѣчавшій сибирскихъ бродягъ, впервые увидалъ бродягъ, заблудившихся и отошавшихъ.

— И время тоже! — какимъ-то глухимъ голосомъ, — проговорилъ одинъ изъ лежавшихъ, — ни ягоды тебѣ, ни гриба. Хоть-бы падалъ какая попалась...

— Погоди малость! — едва слышнымъ голосомъ отозвался другой, — ужотко я подохну, вотъ вамъ и падалъ готовая будеть!

— Нишкни, Кондраты! — огрызнулся сидѣвшій на корточкахъ, — чего надъ собой каркаешь. Коли я, послѣ столькихъ лѣтъ, Богу помолился, такъ безпремѣнно, отколь ни на есть, помога намъ будеть.

— Мало у Бога-то заботы, чтобъ объ такихъ какъ мы думать? — скептически отвѣтилъ первый.

Лежавшій въ сторонѣ высокій, старый бродяга тяжело по-

¹⁾ Особый сортъ бумажной матеріи.